

16+

Цербер
ДЛЯ НЕПОКОРНОЙ
АННА САФИНА

Анна Сафина
Цербер для непокорной
Серия «Властные братья», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67879158

SelfPub; 2022

Аннотация

Босс моего брата лишил меня невинности, заделал ребенка и женился на другой. А теперь заставляет меня избавиться от плода, распоряжаясь моим телом и судьбой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	45
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анна Сафина

Цербер для непокорной

Глава 1

У меня дрожат руки. Смотрю на две полоски и часто-часто дышу, ощущая, как по щекам текут слезы. В ушах, словно вата, не слышу, как раздаются бешеные стуки в дверь туалета.

– Ну? Ты там скоро? У меня перерыв заканчивается, – практически кричит Света, девчонка с отдела бухгалтерии.

– Да-да, сейчас, – отвечаю хрипло, ставлю тест на стойку и смотрюсь в зеркало.

Оттуда на меня смотрит усталое бледное лицо. Скулы схуднули от переживаний, темные волосы паклей лежат на плечах, а под глазами залегли темные синяки от недосыпа. Подставляю руки под струю воды и умываюсь холодной водой, прогоняя жар с лица. Вытираю влагу с кожи бумажными салфетками, машинально подхватываю тест на беременность и открываю щеколду.

– Ну, наконец-то, Миронова, – закатывает глаза Светка и, толкая меня, несется в сторону туалетной кабинки.

Вот только из-за нее я не удерживаю тест, и он летит на кафельный пол, на обозрение моей знакомой.

– Ой, прости, – наклоняется она, не успеваю ее остановить, как вдруг, протягивая его мне, она залипает на двух красных полосках. – Оу, ты беременна. Лер, поздравляю. Колись, кто счастливый отец?

Ее слова заставляют меня впасть в ступор, а глаза подернуться пеленой воспоминаний. Полумрак кабинета, мужской уговаривающий шепот, крупное тело в татуировках, колющая щетина... И мое полубессознательное состояние из-за коктейля, который мне подсунули коллеги. Всхлипываю, прикрывая ладонью рот, ведь всегда мечтала, что подарю невинность своему мужу.

– Эй, ты чего? – вдруг подскакивает ко мне девушка и приобнимает за плечи. – Вы с парнем расстались?

– С Димой? – произношу и смотрю на Светку в растерянности. – Нет...

О боже... Как я скажу об этом Диме? Ведь все эти недели я гнала от себя слабые, подернутые пеленой забвения, воспоминания, принимая их за бред моего воспаленного сознания. Но если все, что стоит у меня до сих пор перед глазами, правда... То получается, что отец моего ребенка...

– Фарид... – шепчу вслух, и это слышит сотрудница нашего рудника.

– Господин Галаев? А он тут причем? – первым делом спрашивает, а затем отшатывается и открывает в шоке рот, прикрывает его и переводит взгляд на мой живот. Говорит шепотом, глядя на меня во все глаза. – Ты беременна от

Генерального?

Я прикусываю нижнюю губу, выдыхаю и, держа в руках тест, решительно выхожу из уборной, оставив вопрос бухгалтера без ответа. Как сомнамбула, еле передвигая ногами, иду в сторону заветного кабинета – святая святых Фарида Галаева, нашего Биг Босса.

Сердце мое бешено колотится, когда я перешагиваю порог приемной. И только там до меня доходит, что я не знаю, что сказать. В этот момент секретарь Ирина отвлекается от монитора и улыбается мне доброжелательно:

– О, ты оперативно. Я же только что звонила Сергеичу, чтобы прислал тебя за подписанными документами, – говорит она что-то, но до меня плохо доходит в свете сложившихся обстоятельств. – Ты постучись к главному, он как раз заканчивает ставить подписи. Принесешь всю папку сюда, ладно?

Машинально киваю, понимая, что, видимо, она недавно звонила моему непосредственному начальнику, главному юристу рудника. Я же являюсь его помощницей, и то, по благу – из-за просьбы моего брата. Ведь кто возьмет на такое предприятие студентку? И это еще больше давит на меня грузом, ведь ребенок... Что я скажу Богдану?

Встряхиваю головой и, игнорируя слабость в ногах и руках, стучу в дверь кабинета. Дождавшись окрика, открываю ее и переступаю порог, упираясь взглядом в НЕГО. Он поднимает голову от бумаг и проходится по мне взглядом сни-

зу вверх. Встречается со мной взглядами, но... Словно не узнает.

– Вызывали? – хриплю, чувствуя сухой ком в горле.

И делаю шаг вперед, крепко сжимая в ладони тест.

– Добрый день! – первым делом здоровается мужчина, словно делая укор отсутствию у меня воспитания.

Краснею, ведь не поздоровалась первой, но в моей ситуации это простительно, вот только... Директор ведь не знает.

– Добрый... – мой голос звучит слабо и тихо, но господин Галаев уже утыкается снова в бумаги и ставит свою подпись.

В полной тишине кладет договор в красную папку и постукивает по ней, с намеком глядя на меня. Я стою в ступоре, тяжело дышу, собираясь с мыслями, а затем понимаю, чего он от меня хочет, и подрываюсь. Подхожу к нему очень близко, ощущая, как носа касается его приятный парфюм. Чисто мужской, подходящий его жесткой натуре. Касаюсь папки, смотрю на мужчину, не отрываясь. Он в это время уже полностью теряет интерес к моей персоне и глядит в монитор, что-то рассматривая с серьезным выражением лица. Акции, соглашения, финансовые отчеты? Мне не понять, но...

– Вы что-то хотели? – вдруг поворачивает голову в мою сторону и смотрит в мои глаза равнодушным взглядом.

Ах, да, как я могла подумать, что он забыл обо мне, стоящей к нему непозволительно близко. Ведь это Фарид Галаев, он всегда и все контролирует, так что моя заминка не могла пройти мимо его внимания.

– Я... – сиплю, прокашливаюсь и поспешно качаю головой. – Нет, ничего.

Боже, Лера, почему ты такая трусишка? Всего два слова, ничего страшного ведь не случится... Правда же? Вот только вместо того, чтобы признаться, как на духу, я открываю и закрываю молча рот.

– Вы свободны, – кивает он, а затем отворачивается, глядя на экран, словно там нечто более важное, чем мое признание.

Хотя чему удивляться? Мужчина, который даже ни словом, ни взглядом не намекнул, не взял ответственность за то, что лишил меня самого дорогого... Но ему плевать, Лера, прекрати уже страдать. Так, повторяя себе эти слова, я топаю на выход, прижимая одной рукой к груди папку, вбивая шпильки в дорогой ламинат. Хватаюсь за ручку, слыша только набат пульса в ушах. Лицо от волнения и разочарования горит, но в последний момент я снова закрываю дверь и быстро, не давая себе ни единого пути отхода, разворачиваюсь и быстрыми шагами достигаю Фарида.

– Я беременна, – кладу на стол перед мужчиной тест с двумя полосками.

И все это происходит, казалось, буквально за две секунды. Сглатываю ком страха и делаю шаг назад, когда его голова медленно поднимается, а глаза ловят мое лицо, совершенно белое от страха и нервов.

– Я тут причем? – вздергивает он бровь, глядя на меня с

недоумением.

И такое изумление написано на его лицо, что я теряюсь и словно уменьшаюсь в размерах, не зная, как на это реагировать. Такого исхода я не ожидала. Не казался Галаев мне того типажа мужчиной, который готов бросить на произвол судьбы своего ребенка.

– Вы... Ты... Отец... – скатываюсь на шепот, теряясь под его циничным взглядом.

И тут он произносит слова, которые рушат во мне самообладание и веру, но... Полностью доказывают, что мои предположения насчет него верны.

– Переспали разок, решила на меня своего ребенка скинуть? – губы его презрительно дергаются.

Отшатываюсь, еле держась на ногах, словно мне дали хлесткую пощечину, только оставляя кровавый след не на теле, а на сердце. Руки дрожат, нижняя губа подрагивает, а глаза против воли наполняются влагой.

– Н-нет, – неуверенно комкаю ткань платья. – Но я ведь была невинна...

Прикусываю нижнюю губу, порываюсь схватить тест и убежать. Зря я вообще пришла сюда.

– Что? – кривит он губы и вдруг резко встает, заставляя меня дернуться в испуге. – Решила на понт меня взять? Чушь не носи и вали отсюда, сделаю вид, что не слышал этой ерунды. Сколько тебе заплатили за вранье?

– О ч-чем вы? – совсем теряю нить беседы, растерянно

глядя на его агрессивный оскал и налитые кровью глаза.

– Если ты решила испортить мне намечающуюся свадьбу... – угрожающе звучит в тишине его голос.

Меня же словно окунают в чан с помоями, настолько грязной я ощущаю себя после его слов. Свадьба... Невеста... И я... Машинально обхватываю свой еще плоский живот, желая защитить своего ребенка, и глаза Фарида прослеживают взглядом за моим движением. Вот только затем он с силой стискивает челюсти, аж желваки на лице играют.

– Ты уволена! – как гром среди ясного неба звучит его жесткий голос.

– Нет-нет, вы не можете, – растерянно гляжу на его неприемлемое лицо, но он непреклонен.

Хватаю ртом воздух, но сказать ничего не могу, перед глазами встает мутная пелена, а затем я теряю связь с реальностью.

– Что за концерт?! – слышу его раздраженный голос перед тем, как теряю сознание.

Вот только боли соприкосновения с холодным полом не ощущаю, меня, казалось, подхватывают мужские руки. А дальше меня поглощает тьма...

Глава 2

Прихожу в себя постепенно. Скорее, от мельтешения и звуков вокруг. Женский голос что-то причитает, мужской рычит.

– Неси нашатырный спирт, – говорит Фарид, узнаю по голосу. – Чего стоишь?

– Да-да, – растерянным тоном отвечает секретарь, а затем я слышу удаляющиеся постукивания каблучков по ламинату.

Я уже пришла в себя, но открывать глаза не спешу. В сердце ледяными щупальцами пробирается страх, накрывая меня практически с головой. Сглатываю, стараясь сделать это незаметно, и, видимо, получается, раз никаких слов после этого не раздается. И тут тишину, воцарившуюся после ухода Ирины, нарушает трель телефонного звонка.

– Слушаю, – жесткий голос Галаева. – Перепроверь еще раз. Вечером зайди ко мне в кабинет. Захвати досье на Валерию Миронову.

На другом конце трубки, скорее всего, согласно кивают, поскольку больше диалогов директор не ведет. Стараюсь дышать ровно, чтобы не выдать своего пробудившегося состояния. Раздумываю, как бы выйти из этой ситуации без потерь. Судя по реакции мужчины, ребенок ему не нужен. Горло перехватывает горьким спазмом, слезы вот-вот готовы про-

литься, орошая щеки, но я изо всех сил стискиваю челюсть, чтобы не проявить лишней эмоциональности. Не время, Лера, не сейчас. Сердце колотится, как сумасшедшее, а разум мечется в поисках решения проблемы. Но я пока отбрасываю тревогу и мечущиеся мысли в сторону. Главное сейчас – это добраться до дома, а там... Я подумаю над беременностью и тем, как преподнести эту новость Богдану и... Диме...

– Ой, – вдруг раздается голос Светки, – Простите, я не думала, что... Секретаря нет на месте, и я...

– Что-то срочное? – не обращая внимания на ее оправдания Фарид и нетерпеливо спрашивает грубым тоном.

– Н-нет, просто акты на подпись... – теряется она тут же, а затем восклицает: – Ох, это же Лера! Видимо, из-за беременности плохо себя чувствует.

– Беременности? – подозрительно спокойным голосом переспрашивает он свою сотрудницу.

– Да, а она вам разве не сообщила? Ой, простите, я думала, это сюрприз, – начинает нести полную чушь бухгалтерша, я же скриплю зубами, понимая, как она сейчас меня подставляет, сама того не ведая.

– Вы свободны! – жестким непререкаемым тоном осаждает поток ее словесности Галаев, а затем я слышу, как она быстро удаляется прочь.

С сожалением понимаю, что боится крутого нрава начальства, вот только мне так и хотелось попросить ее остаться.

– Вставай! – холод в голосе мужчины пробирает до костей,

казалось, остужая горячую кровь в венах. – Вижу, что пришла в себя.

Мне не остается ничего другого, как перестать притворяться и, наконец, открыть глаза. Выдыхаю и присаживаюсь. Оказалось, что все это время лежала на кожаном диванчике, который стоит в его кабинете. Опускаю глаза в пол, пытаюсь обрести равновесие, в глазах все еще летают мушки от потери сознания.

– Итак, – раздается чуть вдали его голос.

Поднимаю нехотя голову и вижу, как он стоит, облокотившись о свой дубовый стол. Сложенные на груди руки делают его еще более крупным, хотя он и так гигант, куда уж больше. Он не близко, но все равно, такое ощущение, что давит на меня своей комплекцией. Казалось, занимает все свободное пространство немаленького кабинета.

– Ты утверждаешь, что ребенок, которого носишь, – медленно проходится взглядом по моему животу, заставляя меня съжаться и обхватить его в защитном жесте, – мой.

– Он не ваш, – поспешно отрицаю, жалея, что вообще пришла к нему в кабинет.

Его челюсть так сжимается, что видны играющие желваки на скулах. Вены на руках вздуваются, будто еще больше.

– Тогда, судя по твоим словам, – цедит он сквозь зубы, давя своим напором, – ты хотела обмануть меня и навязать мне чужого ребенка?

Вопрос ребром застает меня врасплох. Во вранье я не то

чтобы не хороша, буду откровенна, совсем плоха, так что просто открываю рот, на ходу придумывая оправдания, но в голову как назло ничего путного не лезет, так что я сижу лишь с нелепым выражением на лице. А Галаев не дурак, щурит глаза, читая меня, как открытую его взору книгу.

– Вставай! – отчужденно приказывает, подходит к креслу и накидывает на себя пиджак, отчего его плечи становятся шире. – Слову твоему доверия нет, так что съездим в мою клинику.

– Я никуда с вами не поеду, – резко подрываюсь, качаю головой и делаю шаг в сторону, но он быстро оказывается рядом, а его пальцы больно впиваются в мой локоть, не давая мне уйти.

– Ты потеряла право голоса, когда нагло заявила ко мне в кабинет, – шипит и тянет меня в сторону выхода. Куда мне, слабачке, тягаться с мужчиной, так что даже опомниться не успеваю, как он затаскивает меня в лифт. – Сдашь анализы, и если ребенок окажется моим... – давит на меня своей комплекцией, в голосе звучит неподдельная угроза.

Кабина останавливается на этаже паркинга, и меня тащат в сторону черного автомобиля. Звучит щелчок открытия дверей, я пытаюсь сделать шаг назад.

– Я же сказала, он не ваш, – сама понимаю, что мой детский лепет – полная чушь, слышу, как дрожит и ломается голос.

– Вот и проверим, – жестко осаждает меня и насильно уса-

живает в свой автомобиль, такой же огромный, как и он сам.

Я обхватываю живот и молюсь, чтобы все было хорошо. Ведь Шамиль Галаев – опасный мужчина, шутить с которым не стоит. Если он заставит меня сделать аборт или отберет ребенка, я ничего не смогу ему противопоставить. Всхлипываю и отворачиваюсь к окну, чтобы этот гад не увидел моих слез. Ничего сквозь мутную мокрую пелену перед глазами не вижу. Просто прикрываю глаза...

Мы едем в полной тишине. Только злое сопение Фарида разрезает воздух, словно нож разгоряченное масло. Все это время сижу, практически не двигаясь, даже не смотрю в его сторону. Боюсь неосторожным взглядом или поворотом тела спровоцировать его на агрессию. Чувствую себя зверьком, на которого может легко напасть хищник. У меня непроизвольно вырывается нервный смешок от такого сравнения. И тем самым я привлекаю его внимание. Вижу боковым зрением, как он поворачивает голову и смотрит на меня своим глубоким темным взглядом.

– Сколько тебе заплатили? – вдруг спрашивает он невозмутимым тоном, вот только это не обманывает меня, в голосе его звучит сталь.

– Не понимаю, о чем вы, – держу субординацию, веря, что это удержит между нами дистанцию, так необходимую мне в этот момент.

Бросаю мимолетный взгляд на его руки, уверенно держащие руль, вспоминая, что они ведь могут быть нежными...

Когда мужчина этого захочет. Гляжу на его пальцы, словно замороженная, вот только вдруг они с такой силой сжимаются вокруг округлой баранки, что от неожиданности я вздрагиваю. Даже живот начинает, казалось, побаливать, настолько мне тревожно находиться с мужчиной в замкнутом пространстве наедине.

– Ты хорошая актриса, – говорит, делает паузу, будто специально, желая меня запугать. – Но после мы вернемся к этому вопросу, так что советую хорошо подумать, прежде чем врать. Это плохо закончится.

И прозвучало это так холодно и многообещающе, что по моей коже прошел озноб страха, даже волоски вздыбились. В это время Фарид паркует машину и заглушает мотор. Открывает со своей стороны дверь и выходит. Я же остаюсь сидеть на сиденье, не желая выходить. Вот только моя жалкая попытка тщетна. Мужчина огибает автомобиль и резко открывает дверцу, пропуская внутрь прохладу августа.

– Выходи! – выплевывает из себя, нависая своим огромным ростом. – У меня нет на тебя времени.

– Я не хочу, – стискиваю руки в кулачки и держу их возле груди, очень хочется оказаться в другом месте, подальше от него и всей этой ситуации.

Вот только никуда не деться. Галаев вдруг резко наклоняется надо мной, заставив меня дернуться в испуге. Но его рука огибает мою талию, а затем раздается щелчок. Выдыхаю. Успокойся, Лера, он всего лишь отстегнул ремень без-

опасности.

– Вышла из машины, пока я не оттащил тебя за волосы, – и сказано это таким ленивым тоном, что не оставляет у меня сомнений: он это сделает без колебаний и каких бы то ни было угрызений совести.

– Что я вам сделала? – всхлипываю, но все же спускаюсь. Гад даже руки не протянул, не помог этого сделать, но в любом случае я бы не приняла помощь от этого мужчины. Как же жалею сейчас, что хотела подработать летом перед очередным семестром, а в итоге лишилась невинности с незнакомцем, который заделал мне ребенка. Я иду впереди, он же сзади, неприятно дыша мне в затылок.

– Невовремя покрутила задницей, – хмыкает он, отвечая на мой вопрос, и я чувствую, как он прожигает взглядом мою пятую точку.

Становится неуютно, прикрываю все сзади сумочкой, передвигаясь на туфлях, словно неуклюжая уточка. А вот глаза его, казалось, способны прожечь во мне дыру.

– Хватит! – не выдерживаю и оборачиваюсь, топая шпилькой по асфальту.

Не успев затормозить, мужчина врезается в меня и чуть не опрокидывает назад, но его руки успевают обхватить мою талию, не дав упасть. Утыкаюсь носом в грудь Фариды, снова чувствуя приятный мужской аромат. Его ладони обжигают кожу даже сквозь ткань, заставляя меня замереть. Поднимаю голову и встречаюсь с темными порочными глазами Галае-

ва. Он смотрит на меня с напряжением, зрачки расширены, губы поджаты, ноздри трепещут, словно он вдыхает мой запах. Сердцебиение у меня ускоряется, я машинально кладу ладони на его широкую крепкую грудь. Его взгляд направлен на мои губы, затем опускается вниз и какое-то время гипнотизирует мои полушария. Казалось, что замерло время... А затем наш ступор прерывается мелодичной трелью входящего звонка. Мужчина встряхивает голову, сбрасывая навязание, я же отскакиваю, стискивая кулаки. Он хмурится и достает из кармана телефон.

– Слушаю, – после услышанного от собеседника лицо его расслабляется, на нем даже появляется благодушная улыбка. – Я встречу их сам, мама. А после поведу ее по магазинам... Церемония?.. Ты же знаешь, что я не люблю пышные торжества... Хорошо, я понял тебя.

Разговор быстро заканчивается, а затем Галаев смотрит на меня практически с ненавистью. Отшатываюсь, догадавшись, о чем шла речь. Видимо, приезжает его любимая девушка – будущая жена Фариды. Чувствую, как по телу разливается неприятное чувство. Одновременно испытываю презрение к нему, оказавшимся обычным мужиком – неверным, не способным удержать собственные штаны; и жалость, перемешанная с ненавистью, к себе – за то, что согласилась тогда придти на корпоратив в честь годовщины создания компании... А теперь я беременна... От чужого будущего мужа... Ненавидящего меня и нежеланного им малыша...

Глава 3

Больница, в которую меня привез Фарид, частная. Его здесь встречают вежливо и с такими белоснежными улыбками, что у меня аж зубы сводит. Холл здания идеально белый, девушки на ресепшене, как на подбор, словно модели. Мне становится на секунду неловко за свой внешний вид, но затем я одергиваю себя и вздергиваю подбородок. Знаю, что бравирую, пытаюсь подбодрить себя и не нервничать, вот только получается плохо.

– Фарид Саидович, добро пожаловать! Арина Вениаминовна уже вас ожидает в сто пятом кабинете! Будут какие-нибудь пожелания? – от того, как она стреляет глазками в него, у меня дергается глаз.

Во всяком случае, мышца непроизвольно на щеке точно двигается. Стискиваю челюсть, напоминая себе, что он – чужой жених, и этой девушке ничего не светит. Да и мне тоже... Встряхиваю головой. Отбрось эти мысли из головы, Лера, ты ведь любишь Диму.... Правда, ведь?

– Понял, – лишь равнодушно отвечает мужчина, прерывая поток моего самобичевания, и подталкивает меня ладонью на пояснице налево по коридору.

Мы подходим к одному из кабинетов, Галаев открывает дверь и смотрит на меня таким взглядом, что я вынужденно захожу внутрь первой. Даже галантность у него и то навязана

силой...

А затем моему взору предстает светлый кабинет, за столом сидит дама в халате, видимо, та самая Арина Вениаминовна.

– Господин и госпожа Галаевы, – сдержанная улыбка на лице женщины лет пятидесяти меня чуть успокаивает, но вот фраза заставляет напрячься и выпалить:

– Мы не женаты, – голос у меня неожиданно резкий и высокий.

Прокашливаюсь и сглатываю, не люблю, когда говорю визгливо, это сразу выдает мое шаткое психологическое состояние. А сейчас мне как никогда нужен холодный разум и стальные нервы.

– Прошу прощения, меня ввели в заблуждение, – тут же не теряется она, демонстрируя хладнокровие. – По какому вы вопросу?

Вот что значит, профессионал. Не стушевалась, а сразу взяла себя в руки и приступила к делу. Мне бы ее хладнокровие не помешало.

– Нам нужно подтвердить беременность, – переходит к сути дела Фарид, подходя вперед, отчего я оказываюсь немного за его спиной. – Срок предположительно месяц, чуть больше.

– Поняла, – кивает женщина, а затем кому-то кричит: – Ира, иди сюда! – а затем уже поворачивает голову к мужчине: – Подождите за дверью. А девушка может пока прилечь

на кушетку, посмотрим по УЗИ.

Я с облегчением выдыхаю и иду на указанное место, благодарно глядя на женщину. Присутствие Фарида уже просто давит на психику, так что оказаться от него хотя бы за стенкой будет благодатью на мои истерзанные нервы. Вот только надеждам сбыться не суждено.

– Я останусь и проконтролирую, – сурово парирует и подходит ближе, убивая мое и так плохое настроение напрочь.

– Хорошо, как скажете. Меня зовут Арина Вениаминовна, – не возражает врач, представляется по форме, а затем берет у пришедшей с другого помещения медсестры гель и обращается ко мне: – Как мне к вам обращаться?

– Лера, – отвечаю, ощущая на коже неприятный гель и холод аппарата по животу.

– Очень хорошо, Лера, – улыбается она мне на удивление добродушно, – это ваша первая беременность, правильно? Ничего, все хорошо будет... Так, посмотрим, что тут у нас...

А затем я отвлекаюсь на монитор, где видно маленькое плодное яйцо. Ничего конкретного, но отчето–то я уверена, что вот он, мой малыш.

– Срок шесть недель, – делает вердикт доктор и убирает от меня прибор, обращаясь к Фариду, который все это время стоит возле кушетки и напряженно всматривается в экран.

– Когда можно определить отцовство? – спрашивает он грубо, хмуря брови.

Мне дают салфетки, и я занимаю ими руки, судорожно

протирая гель со своего живота. Сжимаю пальцы, пытаюсь унять дрожь рук, но никто на меня и так не смотрит, так что я одергиваю вниз свою блузку и встаю.

– Примерно с девяти недель доступен неинвазивный способ ДНК–теста, нужно подождать еще недели три, – отвечает на вопрос врач, поправляя очки на переносице и беря в руки карточку, которую заполняла в это время медсестра по моему паспорту. – Пока все в норме, но нужно сдать несколько анализов, чтобы убедиться, хорошо ли протекает беременность. Выпишу вам направления, Ира передаст их на ресепшен, а дальше вас сориентируют, созвонятся и запишут на удобное для вас время.

– Отлично, мы учтем. Всего доброго, – кивает Фарид и сжимает кулаки, но это замечаю только я, обе женщины заняты бумажками.

– Карточку я на нашу мамочку завела, так что будем обследовать всю беременность, – говорит врач нам на прощание, вызывая словами мурашки по моей коже.

У меня дрожит тело, мысли хаотично движутся, я все никак не могу привыкнуть к этой оглушающей новости, что я беременна. Пока я рефлексирую, мы уже выходим из больницы. И как бы я ни сопротивлялась, Галаев усаживает меня внутрь своего автомобиля, но заводить мотор не спешит. Нервно постукивает пальцами по рулю, а затем смотрит на меня с серьезным видом.

– Значит так, – рубленые фразы пугают, заставляя си-

деть мышкой. – Расклад такой. Если тест покажет, что ты не врешь, и действительно беременна от меня, кто бы ни нанял тебя насолить мне, считай, что будешь прощена.

– Но я... – начинаю было возмущаться, желая сказать, что все это бредни его воспаленного сознания, как он резко обрубает все отмашкой ладони, рассекающей воздух, словно нож масло.

– Слушай дальше! – цедит, давя своей энергетикой, а дальнейшими словами причиняет мне боль. – Если родишь здорового сына, возьму тебя второй женой.

Сглатываю, глядя на мужчину в ужасе. Да как же можно быть таким черствым, холодным и жестоким. Ни разу не спросил о моих чувствах и желаниях, о том, каково мне оказаться в тисках и беременной... Только о себе думает... Мужлан...

– Мне от тебя ничего не нужно, – сиплю, хватая рукой горло.

В уголках глаз скапливается влага, и я отвожу взгляд в сторону. Вот только он больно хватает меня за подбородок и поворачивает мое лицо к себе.

– Ты слышишь меня, Валерия? – говорит резко, жестко, не церемонясь, дожидается моего еле заметного кивка и добавляет непререкаемым тоном: – Если же это девочка, то сделаешь аборт. Брак мне не нужен, только сын, наследник.

Его пальцы при последних словах отпускают мой подбородок, и я без сил откидываюсь на спинку сиденья. Прикры-

ваю глаза, слыша, как урчит, наконец, мотор, и отворачиваюсь, скрывая, как по щеке катится невольная слеза.

Машина плавно движется по дороге, объезжая другие машины. Руки Фарида лежат на руле, а пальцы периодически постукивают по кожаной обивке. Я беру одной рукой ремень на груди, а другую прижимаю к животу, ощущая там пустоту. Чувствую, как урчит от голода желудок, надеясь, что мужчина не услышал этого звука.

– Заедем в ресторан, а после я отвезу тебя домой, – ставит он перед фактом и поворачивает машину направо, на улицу, ведущую в центр.

– Лучше сразу домой, – киваю в такт своим мыслям, ощущая, как потеют ладошки, и обдаёт жаром тело.

– Это не обсуждается, – холодный голос Галаева разрезает воздух в салоне, – Пока есть вероятность, что ты носишь моего сына, ты подчиняешься мне.

Поворачиваю голову в его сторону и окидываю возмущенным взглядом. Я действительно голодна, оттого и не чувствую берега, собираясь наехать на этого бесчувственного мужлана.

– Я не твоя вещь, Фарид, и ты мне не брат и не муж, чтобы я тебе подчинялась, – выплевываю слова изо рта, глядя на него с ненавистью.

У меня дрожат пальцы, я стискиваю их, чтобы скрыть это, но он замечает, а затем его губа изгибается в форме лука.

– Ты права, Ле-е-ра, – тянет он мое имя с легкой, непо-

нятной мне усмешкой. – Наверное, мне стоит дать отмашку службе безопасности прошерстить твоего брата. Ведь меня гложет вопрос: это была диверсия с его стороны устроить тебя на работу именно ко мне в штат, или это так, твоя личная инициатива? Обвинение в корпоративном шпионаже поставит жирную точку в карьере твоего брата, не сомневайся.

Открываю–закрываю рот, хватая воздух, возмущенная до глубины души его гнусными предположениями, что мой Богдан способен на такое предательство. Машина останавливается на перекрестке, горит красный, так что Фарид полностью уделяет внимание мне, что мне ни капельку не нравится, заставляет только нервозно ерзать на своем месте. Даже сиденье оттого кажется неудобным и жестким.

– Что за чушь ты несешь, – поджимаю сурово губы, но в какой–то момент не выдерживаю и провожу по ним языком, уж больно неприятно ощущать их сухость.

И это моя фатальная ошибка. Галаев опускает взгляд с моих глаз ниже и заливает на какое–то время. Его кадык дергается, а бровь съезжает вверх. Но встречаться с ним глазами мне, слава богу, не приходится, в этот момент сзади раздается автомобильный гудок. Резко, неприятно до звона в ушах, но так вовремя и благословенно, что я облегченно выдыхаю, когда Фарид раздраженно отвлекается на дорогу и трогается с места.

– Давай договоримся, Миронова, – его жесткий голос заставляет меня чуть ли не подпрыгнуть, ведь я уже не ожи-

дала, что он хоть что-то ответит. — Я повторять два раза не люблю, так что слушай внимательно и запоминай.

Сглатываю и свожу брови вместе на переносице. Ничего хорошего от его дальнейших слов не жду.

— Во-первых, разговаривать со мной в таком тоне нельзя, — кидает на меня недовольный взгляд, затем снова наблюдает за движением на соседней полосе и перестраивается направо для последующего поворота. — Во-вторых, жизнь и работа твоего брата сейчас в моих руках, да и твоя тоже, впрочем.

Он хмыкает и делает паузу, словно заставляя меня проникнуться своими словами—приказами.

— Это угроза? — вздергиваю в протесте бровь, вкладывая в голос неподдельную иронию.

— Поверь, Валерия, — качает он головой, демонстрируя разочарованность от того, что я перебила его речь. — Когда это будет угроза, церемониться я не буду, и предупреждать тем более... Так что тебе же лучше не нарываться.

— Что? Ударишь? — продолжаю я бравировать и шипеть на него, вцепляясь пальцами в бедра, хотя так и хочется дать ему оплеуху, чтобы привести в чувство.

— Не знаю, что ты придумала в своей пустой голове, — фыркает с усмешкой. — Но женщин я не быю. Но запомни, за твое поведение я буду спрашивать с твоего брата. Он ведь глава семьи, не так ли?

Голос у него хлесткий, бьет наотмашь, словно пощечина. Дергаюсь от его тона, но затем замираю и набираю в грудь

больше воздуха.

– За свои поступки отвечаю я сама, не смей приплетать сюда моего брата, – стараюсь наезжать на него грозно, вот только вызываю на его лице только ухмылку.

– Не заблуждайся, – произносит грубым басом, проходясь током по моему позвоночнику, это отдается вибрацией под кожей. – За каждой девушкой стоит мужчина, и спрос всегда с него. Так что веди себя прилично, иначе...

– Что иначе? – храбро фыркаю, хотя внутри поджилки трясутся от страха.

– Если носишь моего ребенка, будешь под моей защитой, – цедит он сквозь зубы, окатив меня яростным взглядом. – Только попробуй выкинуть фортель, под замок посажу, и без моей команды «фас» ни шагу не ступишь, ясно?

– И что же твоя невеста на это скажет, а, Фарид? – яростно стискиваю кулаки, прижимая их к коленям. – Не лезь ко мне, понял? Я замуж выхожу. С ребенком можешь видаться, я не против, но...

Наезжаю, уже путая берега, но во мне говорит уязвленная гордость и покалеченное самолюбие. Да и слова про замужество лишь частично правдивы, ведь после измены с Димой я быть не смогу... Вряд ли он поймет, что я была под градусом и чем-то еще, поскольку совершенно не контролировала свои действия. Перед глазами снова мелькают руки Фариды, которые нагло задирают в кабинете мое платье, затем, как ладонь хлестко касается оголенной кожи... Твердый стол

под грудью... Оттопыренная поясница и легкая боль... Сменившаяся неведомым мне доселе наслаждением... Краснею, вспомнив некоторые моменты той роковой ночи, но затем меня оглушает мужской взбешенный рык.

– Заткнись! – Галаев нажимает на педаль тормоза, резко останавливая машину, да так, что меня подбрасывает вперед, благо ремень удерживает от столкновения с панелью. – Слушай сюда, я тебе не мальчик, чтобы со мной играть в эти игры. Значит так, сейчас мы зайдем в ресторан, и чтобы ни слова из твоего грязного рта я больше не слышал, уяснила? И невесту мою трогать не смей! А насчет жениха мы еще отдельно поговорим. Поняла меня?

Он ждет моего ответа, я же от испуга, словно язык проглотила. Но тишина давит на нервы, и чуть позже я медленно киваю. А затем он выходит из машины, открывает с моей стороны дверцу и, грубо хватая за локоть, вытаскивает из салона.

– Иди, давай! Я голоден! – жестко подгоняет меня словами сзади, и я чуть ускоряюсь, чувствуя, как бешено колотится пульс.

Боже... Что за животное подарило мне ребенка? И что мне теперь делать...

Глава 4

Ресторан, в который меня привез Фарид, поражает своей роскошью. В нашей семье никогда не зарабатывали столько, чтобы иметь возможность обедать в таком элитном месте. Разве что раз в год, но это было бы расточительством, ведь куда лучше отложить деньги на что-то более полезное.

– Господин Фарид, – тут же выходит из общего зала мужчина, не похожий на официанта ни формой, ни возрастом, – вы не предупреждали, что будете.

Краем глаза замечаю, что здесь все довольно молодые, а тот, кто стоит перед нами – лет пятидесяти, если не старше.

– А я должен, Селим? – ироничность в голосе и приподнятая бровь Галаева ничем не намекает на недовольство, но на месте работника ресторана я бы поостереглась.

– Прошу прощения, – мужчина делает легкий поклон, но я замечаю, как еле заметно кривятся его губы, – ваш столик свободен, господин Фарид, идемте за мной.

Я смотрю на ничего не выражающее лицо Галаева, а затем он резко обращает внимание на меня, подходит ближе и подталкивает ладонью под поясницей.

– Иди, и чтобы без выкрутасов, поняла? – цедит он так тихо, что я и сама еле слышу, что уж говорить о впереди идущих.

Мы заходим в лифт вслед за, как я поняла, управляющим.

Кабина трогается и останавливается на четвертом этаже.

– Приятно провести время, если я буду нужен, всегда к вашим услугам, – говорит напоследок этот Селим и после кивка Фарида уходит.

Нас усаживают в отдельную кабинку, где открывается вид на город, официант приносит меню и ретируется. Я открываю рот, пытаюсь понять, почему он просто молча ушел, а затем замечаю кнопку на краю стола. И рот закрываю, слегка краснею, поняв, каким образом здесь происходит обслуживание. Удобно, не нужно кричать, чтобы получить желаемое.

– Слушай, я надеюсь, ты остыл, и мы, наконец, сможем поговорить, как цивилизова... – говорю медленно, словно пытаюсь сейчас иметь дело с хищником в дикой природе, во всяком случае опасность ощущаю на каждом шагу.

– Тихо! – перебивает меня, произнеся лишь одно слово, но тон жесткий и резкий, не терпящий каких-либо пререканий или возражений.

– Я надеюсь, что насчет аборта ты пошутил, ведь это мое... – не успокаиваюсь и наседаю на него, чувствуя, как с каждой проведенной минутой в его обществе тает мой запал.

– Ты плохо меня расслышала, Лера? – спокойным тоном и чрезвычайно медленно говорит Фарид, а от его голоса и вымораживающего взгляда глаза в глаза по позвоночнику проходит холодок. – Я сказал тебе молчать, и для твоего же блага лучше не открывай рот, пока мы не поедем. Запомни на будущее: когда я голоден, ничего хорошего не жди. А те-

перь выбирай, что ты будешь есть. Молча!

Последнее добавляет чуть тише, но интонация более весомая. Я проглатываю слюну, да и вот-вот готовые вырваться слова тоже. В этот момент у меня повторно урчит желудок, и я с недовольством открываю меню. Небрежно и с силой листаю страницы, даже не пытаюсь скрыть свое испорченное настроение. В иной раз я бы остереглась испытывать терпение такого мужчины, как Фарид, но сейчас я так взбудоражена и разъярена его действиями, что не чувствую страха. Благо мужчина ничего на это не говорит и никак не реагирует, он и вовсе перестал обращать на меня внимание. Что-то смотрит в телефоне, даже к меню не притронулся.

– Выбрала? – вдруг раздается его равнодушный механический голос, заставив вздрогнуть от неожиданности.

– Да, – говорю резко, захлопываю меню с силой. – Борщ и черный чай.

Честно говоря, все то время, что листала страницы, я никак не могла сосредоточиться на том, что вообще написано там и что изображено, но эти два наименования, как мне казалось, должны быть во всех заведениях.

– Хорошо, – произносит Галаев и жмет черную кнопку.

А спустя несколько секунд, поразив меня своей скоростью, дверь в нашу кабинку открывается, и внутри появляется вышколенный официант.

– Уже выбрали? – смотрит на нас доброжелательно и с улыбкой.

– Мне как обычно, а даме борщ и черный чай, – небрежно кивает Галаев, а вот парнишка хмурится.

При нем нет ни блокнота, ни ручки, ни телефона, куда бы он мог записать заказ, что заставляет меня удивиться и за наблюдением заметить, что он мнет пальцы.

– Но в меню нет борща... – теряется от неожиданности сотрудник ресторана и смотрит беспомощно.

Галаев резко вскидывает голову и впивается в него взглядом. Я чувствую, что надвигается буря, и машу рукой, пытаюсь переделать заказ.

– Все в порядке, тогда можно ваш фирменный... – речь у меня чуть ускоряется, желаю опередить слова своего Генерального, но он перебивает меня в своем репертуаре.

– Я неясно выразился? Девушка желает борщ, значит, повар приготовит! – медленно и словно для чайников говорит четко, проговаривая каждое слово, будто вбивая его гвоздями.

Парень бледнеет, сглатывает, отчего у него дергается кадык. Он нервно поправляет дрожащими руками ворот рубашки и кивает часто–часто, а затем ретируется задним ходом, еле слышно запирая за собой дверь. У меня в глазах темнеет, и я снова пытаюсь высказать мужчине все, что я думаю об этом:

– Я же сказала, что не хочу борщ, и мне вполне... – внутри меня кипит горящая лава, настолько сильно я вымотана чужим самоуправством.

Ощущение медленно стискивающейся на шее удавки только усиливается. И вскоре я начну задыхаться от такого унижающего во всех смыслах контроля.

– Кого ты носишь? Мальчика? Девочку? – вдруг говорит он, удивляя этим.

Я даже не успеваю договорить то, что хотела сказать.

– Ты же слышал, врач сказала, что только через три недели известно будет, – хмурюсь, не понимая, что происходит.

– Вот именно, – произносит и медленно прикрывает глаза, откидывается на спинку стула и стискивает переносицу, будто от усталости.

И только сейчас я замечаю глубоко залегающие тени под глазами, ярко выраженную складку у рта, напряженные челюсти.

– До тех пор, пока есть вероятность, что носишь ты пацана, будешь есть все, что он захочет. А если он хочет борщ, значит, он его получит. Ясно?

К концу он отклоняется от спинки и подается вперед, чуть нагибаясь над столом и заглядывая мне в глаза. Смотрит сурово, давяще, и я сглатываю, а затем фыркаю и складываю руки на груди, отворачиваясь к панорамному окну. Бравирую, не хочу показывать перед этим человеком слабостей. Но в сердце все равно больно колит только от одной мысли, что интересует его только одно... Словно я – обычный инкубатор, от которого избавятся в тот же миг... Как только я перестану быть нужна...

Вскоре нам приносят то, что мы заказывали. На этот раз официант не трясется, а старается вести себя уверенно и без эмоций, но все же продолжает доброжелательно улыбаться.

– Прошу прощения за задержку, – с этими словами ставит передо мной тарелку борща, от которого у меня текут слюнки.

До этого момента я даже не представляла себе, что настолько голодна, но при виде блюда у меня снова бурчит живот.

– Свободен, – делает отмашку рукой Фарид и, наконец, отвлекается от своего телефона.

– Приятного аппетита, – произносит и берет приборы в руки.

– По этикету «приятного аппетита» желать может только тот, кто приготовил еду, – делаю ему замечание, желая хоть как-то уязвить.

И сразу же жалею, когда он медленно поднимает голову и впивается взглядом в мою фигуру. Однако вместо разъяренного окрика или чего похуже он лишь усмехается и фыркает.

– Этикетная такая, что ли? – слегка порывивает, отчего у меня создается ощущение, что передо мной не мужчина, а зверь. – Что ж, значит, не «приятного аппетита».

– Хам, – выплевываю и быстро забиваю рот супом, пока не ляпнула чего похлеще, с меня станется.

Мама часто повторяла, что иногда мне стоит прикусить язык, иначе замуж мне такими темпами никогда не выйти.

Выдыхаю, вспоминая ее слова, а затем тут же перед глазами возникает Дима. Сердце на секунду болезненно сжимается, а затем резко отпускает, когда перед глазами чуть темнеет.

– Что с тобой? – напряженный голос Галаева врывается в сознание резко и отрезвляюще.

Темнота с глаз спадает, так что я опускаю голову и делаю глоток воды с бокала, стоящего на столе. Мне легчает, и я качаю головой.

– Все в порядке, – и не вру, на данный момент все уже пришло в норму, но я делаю зарок относиться лучше к своему здоровью.

Уверена, что это может плохо сказаться на ребенке. Только хочу опустить руку к животу, но отдергиваю ее в последний момент, замечая, что Фарид наблюдает за мной, словно коршун.

– Прия... – осекаюсь, вспомнив, что недавно отчитала его за «этикет», но он уже ждет, ведь я начала говорить, так что приходится выкручиваться: – Приятного в твоём обществе мало, так что давай покончим с этим быстрее.

– Аналогично, – хмурится мужчина и приступает к трапезе.

Некоторое время между нами висит тишина, слышен только звон приборов. Утолив голод, с наслаждением откидываюсь на спинку кресла и рассеянным взглядом смотрю на вечеряющий город за стеклом ресторана. Люди спешат по своим делам, машины заполняют улицы, я же жду, когда за-

кончит Галаев. Тело слегка подрагивает, температура немного увеличивается от стресса. Даже не трогая лицо, могу сказать, как горят щеки. Периодически чувствую на себе взор Фариды, но стараюсь не обращать на это внимания.

– В общем, так, – вздыхает мужчина и смотрит на меня, более не отрываясь.

Мне приходится взглянуть ему в лицо, а вот оно ничего не выражает, просто высеченная из мрамора маска.

– Слушаю, – благосклонно киваю, старательно задвигая все эмоции под кубышку внутри себя.

– С работы, как я уже говорил, ты уволена, – начинает было он говорить, я же скриплю зубами, но возглас сдержать не удастся:

– Это переходит все границы, личная жизнь никак не может касаться работы и... – экспрессивно взмахиваю руками, пытаюсь убедить его в своей правоте, но вижу, что он лишь больше замыкается и хмурится.

– Об этом нужно было думать до того, как пролезать в мою постель, – обрубает он резко мой поток возражений.

Я открываю рот, наполняя легкие воздухом, от удивления чуть не задыхаюсь.

– На кровать это было меньше всего похоже, – ехидничаю, кривя соответствующим образом губы, отчего у него дергаются глаз.

Видно, как его утомила вся эта ситуация, да и я сама, собственно говоря. В этом у меня есть талант, не отнять: раз-

дражать людей до такой степени, чтобы они желали от меня скорее избавиться. Что ж, Лера, хорошая тактика, может и сработать.

– Я бы перевез тебя к себе для лучшего пригляда в эти три недели, – после паузы он снова начинает говорить, не обращая внимания на мои нападки, – но сегодня приезжают важные гости, так что надеюсь на твое благоразумие.

И смотрит таким взглядом, который пригвождает к месту. А–ля «лучше не делай глупости, девочка, иначе пожалеешь». Поджимаю губы, в то время как мысли мечутся, выискивая выход из сложившейся ситуации.

– По закону я обязана отработать четыре недели, – сияю, словно начищенный чайник, когда вспоминаю интересный пункт в законодательстве.

– У меня нет к тебе претензий, да и на место твое... – недовольно цедит, но я перебиваю, выставляю ладонь вперед:

– Ты меня не понял, – свожу брови на переносице и скреещаю ноги внизу, чувствуя себя в такой позе чуть более уверенно. – Я настаиваю. И если не хочешь скандала по этому поводу, то...

Вот только договорить и обозначить свою окончательную позицию не успеваю, у мужчины звонит телефон. Он вздергивает бровь и подносит трубку к уху, вслушивается, а затем отвечает:

– Раньше прилетают? Понял, сейчас буду, – лицо светле-

ет, но когда он кладет телефон обратно в карман и смотрит на меня, благодушное выражение слетает с него, словно шепуха.

– Так вот... – продолжаю, наконец, пытаюсь взять быка за рога, пока у меня есть на это силы.

Он не вслушивается, достает из бумажника купюры, часть кидает на стол, а часть мне. Отклоняюсь, с недоумением глядя на них.

– Это тебе на проезд до дома. Я поехал, – игнорирует меня, встает и, наклоняясь, произносит напоследок вымораживающим внутренности тоном: – И чтобы без глупостей, поняла? Из-под земли достану.

Его угроза, да еще высказанная таким спокойным голосом, вызывает по телу озноб, но я, преодолевая страх, вскакиваю и иду к выходу, толкая его плечом.

– В подачках не нуждаюсь, сама доберусь, – фыркаю и ускоряюсь, желая оказаться на улице раньше этого грубияна.

За мной на удивление никто не идет, так что до остановки я добираюсь без происшествий. Все время оборачиваюсь, но Галаева поблизости нет, так что в автобус сажусь с облегчением. И старательно игнорирую засевшую обиду в сердце. А после меня отвлекает звонок. Дима. Гулко сглатываю и нажимаю «принять вызов».

Делаю пару глубоких вдохов–выдохов и только тогда подношу трубку к уху.

– ... Лера, ау, ты тут? – голос Димы теплый, вызывает у

меня улыбку, приправленную горечью.

– Привет, Дим, как ты? – стараюсь не показывать, что расстроена, и, видимо, получается, раз парень ничего насчет этого не говорит.

– В офисе? Встречу тебя после работы, – произносит мягким тоном, еще больше вызывая во мне чувство вины.

– Я уже домой еду, не нужно, – качаю головой, затем смотрю в окно автобуса, глядя, как мимо по соседней полосе проезжают автомобили.

– Тогда устроим вечер пиццы? – не теряется он и делает предложение, которое раньше вызвало бы во мне воодушевление.

Ведь что может быть лучше вкусной еды в хорошей компании? Ничего... Но вопреки обычной реакции в этот раз внутри я ощущаю пустоту. Очень тяжелый день...

– У меня голова болит, милый, – от последнего произнесенного слова у меня тянет живот, неприятное такое ощущение. – Может, в следующий раз?

Сначала он молчит, а затем прокашливается и говорит:

– Хорошо, малыш, – как обычно соглашается, не настаивая на своем.

Впрочем, этим меня и привлек к себе Ларинцев. Он учится на курс старше, тоже юридический факультет. Когда один из самых популярных парней университета обратил на меня внимание, мне казалось это недоразумением, которое никак не могло произойти в моей жизни. Пацанка, грубиянка, и

вдруг галантный Дима, всегда одетый с иголки, оказывающий мне знаки внимания. Никто и предположить не мог, что наши отношения перерастут во что-то серьезное. А теперь... Все изменилось...

– Я позвоню, – говорю и кладу телефон на колени.

Пока автобус едет до нужной мне остановки, я ни о чем не думаю, не готова пока принимать серьезные решения. Сначала нужно отдохнуть, а уже затем разложить все по полочкам.

Захожу в квартиру. Там меня встречает тишина.

– Богдан? – снимаю туфли, с наслаждением ставлю стопу на ламинат.

В ответ – молчание. Значит, еще с работы не пришел, трудоголик. Но когда захожу на кухню и ставлю чайник, слышу, как в замочной скважине проворачивается ключ.

– Лера? Ты дома? – голос брата теплый, родной.

– На кухне, – кричу ему, стараясь скрыть то, что бурлит внутри меня.

Раздаются шаги, затем губы брата касаются моей макушки. Наполняю все это время заварной чайник, не поворачиваясь к нему, опасаясь, что он прочтает все по моему лицу.

– Что-то ты рано, – усмехаюсь, наконец, взяв под контроль свои чувства и эмоции.

– Взял работу на дом, – отодвигает стул и ставит туда свой портфель, бьет по боковине, намекая на лежащую там кучу бумажек.

– Тебе надо больше отдыхать, компания без тебя не развалится, – закатываю глаза и ставлю перед ним большую кружку чая.

А затем сажусь напротив и благодарю ситуацию, что он отвлекается на сообщение, пришедшее на телефон, и не видит, как трясутся мои руки, пока я ставлю собственную чашку.

– У нас новый контракт намечается на поставку руды, Севиев просил отнестись к нему наиболее внимательно, – хмурится брат, делает глоток горячего чая и достает ноутбук и стопку файлов.

– Мне нужно с тобой поговорить, Богдан. Точнее, попросить совета, – начинаю говорить быстро, пока не передумала.

Но когда он поднимает голову и смотрит на меня рассеянным взглядом, дальнейшие слова застревают в горле. Он полностью погружен в работу даже дома.

– Что-то по юридическим вопросам? – спрашивает он, а сам пялится в экран ноутбука.

Я открываю рот, но ни слова не вылетает. Сглатываю и вдыхаю в легкие больше кислорода, собираясь с мыслями, вот только...

– Скоро учеба начнется, я думала насчет работы и... – единственное, что пришло мне в голову, оттого и не смогла договорить.

– О, не беспокойся, я договорюсь, поработаешь на полставки, – отмахивается от меня, не видя в этом никакой проблемы.

Взъерошивает свои кудрявые растрепанные волосы и хмуро перебирает бумаги, вчитываясь в пункты договора. Я же медленно делаю глотки чая и перебираю в уме, как скоро он узнает о том, что произошло. О моей беременности, о слухах, которые неизбежно пойдут после моего обморока... Да и Света знает, от кого именно я зачала малыша... И увольнение, вот это мой босс точно не сможет скрыть от брата.

– Я подумала... Ты знаешь, мне звонил куратор. Помнишь, моя одноклассница уехала по международной программе в Германию на год... – неуверенный голос, суетливые движения вдруг привлекают внимание Богдана, от чего я чувствую себя более неуверенной.

– О, ты все же решилась и хочешь поехать? Ты знаешь, я тебе еще в прошлом году предлагал, это отличная возможность получить опыт и навыки. Европейские ВУЗы... – он вдруг воодушевляется и откладывает документы в сторону, что-то набирает на клавиатуре. – Так, сейчас посмотрю, с кем сотрудничает твой универ...

– Богдан, – кладу ладонь на его руку, пытаюсь успокоить и достучаться до него, – это пока только идея, мне же еще язык нужно подтянуть, да и работа... Может, мне уволиться?

– Как тебе удобней, Лер, ты же знаешь, поддержу любое твое решение, – улыбается мне и подмигивает, чуть подни-

мая мое плохое настроение.

На секунду я даже забываю, что довлеет надо мной теперь безвозвратно, ощущаю поддержку брата и только порываюсь все же признаться в настоящей проблеме, как вдруг у него звонит телефон.

– Да, Игнат Шахайдарович, – привстает Богдан, показывая ладонью, что разговор важный.

Я же замираю, пытаюсь понять, о чем они говорят. Начальник моего брата – двоюродный брат Фарида, а значит... Если тот рассказал ему о моей беременности, то этот звонок...

– Понял, скажу Валеевой, она организует все, – улыбаясь, отвечает шефу брат, а у меня отлегает от сердца.

Раз он в хорошем расположении духа, значит, непоправимого еще не произошло.

– Что случилось? – не выдерживаю и все же спрашиваю, когда разговор заканчивается.

– Севиев звонил, просил организовать в компании вечеринку–поздравление в честь свадьбы своего брата Фарида. Кстати... – снова садится и наклоняется ко мне Богдан. – Ты же его знаешь, он – твой шеф.

– На ком он женится? – спрашиваю безразлично, изо всех сил делая вид, что мне все равно.

Хотя внутри все горит огнем, внутренности, казалось, плавятся от тех эмоций, что переполняют меня.

– Без понятия, но поговаривают, что это слияние больших активов. Да и невеста по слухам красавица, так что даже за-

видую, — ухмыляется и пожимает Богдан плечами, а затем отвлекается на входящее сообщение.

— Я пойду, нужно подготовить отчет по практике для университета, — говорю брату и быстро ретируюсь к себе в комнату.

А как только оказываюсь там, дергаю щеколдой, закрываясь от всего мира, и стекаю по двери, зажимая зубами ладонь, чтобы ни звука не вырвалось. Слезы текут по щекам, в груди сильно жжет горечь, поднимаясь комом к горлу, но я не издаю ни всхлипа. Кидаюсь к кровати и утыкаюсь лицом в подушку, жалея, что время идет так быстро. Ведь завтра мне нужно будет появиться в офисе, а что ожидает меня там, сложно представить...

Глава 5

Утром просыпаюсь я совершенно разбитая, голова неприятно гудит, а в конечностях чувствуется слабость. На часах семь утра, так что я со стоном встаю и медленно иду в ванную. Время еще есть, так что привожу себя в порядок неспеша, пытаюсь и мысли собрать в кучу.

– И что делать? – спрашиваю свое отражение в зеркале.

Вот только ответа там, как и ожидалось, не нахожу. Лишь рождаются новые вопросы. Надеваю, как обычно, платье и туфли, но в последний момент снимаю их, меняя на закрытые мягкие мокасины. Не уверена, что шпильки можно носить при беременности. Кладу руку на живот, но ничего не ощущаю. Впрочем, срок еще маленький, так что пока что не беспокоюсь по этому поводу.

Еду в офис привычным маршрутом, ощущая себя зверьком в клетке, прикованным к решеткам неподъемными кандалами. Дышу глубоко, прокручивая в голове все воспоминания, связанные с тем вечером, пытаюсь воспроизвести в памяти, как же так вышло, что я совсем потеряла разум и оказалась в руках Галаева. Чем больше проходит времени, тем сильнее перед глазами встают кадры прошлого: уговоры Светки пойти с ней, приятная музыка, чужой смех, еда и напитки... И пила я все то же, что и подружка – обычный яблочный сок. Но в какой-то момент меня начинает вести,

тело становится ватным, а сознание – спутанным. Меня тянуло танцевать, и я последовала своему зову, наслаждаясь ритмом и темпом музыки. А после мои бедра обхватили чужие крепкие мужские руки, прижимавшие меня к себе все ближе и ближе.

– Девушка, место освободите, – раздается сверху недовольный ворчливый женский голос, отвлекающий меня от воспоминаний.

Растерянно поднимаю голову и с недоумением смотрю на тетку лет сорока, полноватую, с хмурым лицом.

– Что? – переспрашиваю, не расслышав, что она сказала в первый раз.

А затем автобус останавливается, и я вижу знакомую остановку.

– Старшим нужно место... – начинает она было говорить, но я вскакиваю и, отталкивая ее, несусь к выходу.

Дверцы закрываются, и я кричу водителю:

– Подождите! Я выхожу! – даже сама удивлена, насколько громко звучит мой голос.

Транспорт резко тормозит, но я успеваю схватиться за поручень, а вот тетке, пытавшейся в эту секунду сесть на мое место, не везет. Она падает прямо на пол, но я не обращаю на это внимания, и как только двери снова открываются, выбегаю на улицу.

Выдыхаю и дальше иду уже спокойным шагом, пытаюсь привести дыхание в норму. И в здание бизнес-центра захожу

уже спокойная, вот только когда вижу возле лифта Светку, которая шушукается со своей коллегой из отдела бухгалтерии, начинаю дрожать. А вот после они обе замечают меня и сверлят своим взглядом, заставляя меня идти еще более медленно, надеясь, что они уедут на ближайшем лифте. Вот только надеждам не суждено сбыться, они пропускают свободную кабину и ждут, когда поравняюсь с ними.

– Доброе утро, Лер! – говорит Светка, с опаской глядя на свою соседку по кабинету.

– Доброе, – киваю и сразу же перевожу взгляд на табло, молясь, чтобы кабина приехала быстрее.

– Ты сообщила отцу ребенка об этой радостной вести? – подхватывает меня под руки Света, поглаживая локоть, словно мы – лучшие подружки.

– Да, – киваю, стискивая зубы.

Сохраняй спокойствие, Лера, не выдай посторонним своих эмоций.

– И как Фарид Саидович отреагировал? – резко подается вперед сотрудница бухгалтерии, с которой шушукалась та, которую я считала подругой.

Говорила она так громко, что не удивительно, как заволновались сзади все прибывающие работники компании. Стискиваю кулаки, поджимаю губы, но взгляда от табло не отвожу.

– Кира! – шипит Светка на свою коллегу.

Я же поворачиваю голову и окидываю ту ледяным взглядом

с головы до ног.

– Вы вообще кто? – фыркаю, демонстрируя пренебрежение, и захожу в как раз подъехавший лифт.

Целая толпа загружается следом, так что ответа не следует, я же дрожу под обстрелом множества чужих взглядов. Слышу, как тихо шепчутся люди между собой, и испепеляю взглядом Свету на месте, а та лишь краснеет и опускает глаза вниз. Мое лицо покрывается румянцем, температура тела явно поднимается, так что когда кабина приезжает на нужный этаж, я вылетаю оттуда, как пробка, и несусь в сторону уборной. Кажется, меня сейчас стошнит...

Облегчаю желудок и гляжу в зеркало, видя там свое усталое лицо. Ополаскиваю рот и ищу в сумке жвачку, которая должна отбить неприятный запах изо рта. Жалею, что не догадалась захватить с собой зубную щетку и пасту. Ну до чего уж теперь. Иду на свое рабочее место, не поднимая головы от пола. Но, к счастью, в коридорах пусто, все, видимо, на своих рабочих местах.

– Ты опоздала, Лера, – говорит мне мой начальник.

И все. Ни слова про ходящие по офису слухи. Но затем догадываюсь, что ведь сплетня только сейчас начала разноситься, так что узнают все о моей беременности только к обеду, раньше вряд ли, не настолько у нас быстрое сарафанное радио.

– Прошу прощения, Георгий Сергеевич, постараюсь такого больше не допускать, – говорю первым делом, а затем

присаживаюсь на свое место.

Вот только затем меня осеняет... Ведь больше ничего и не будет. Если утром я еще хотела побороться за свое место в компании, несмотря на то, что вчера вечером сказала брату, то теперь в сложившихся обстоятельствах об этом не может быть и речи. Не смогу защищаться постоянно от ехидных чужих комментариев, косых взглядов и шепотков. Начну нервничать и злиться.

Несколько часов безвылазно прячусь в кабинете, словно в собственной норке, занимаюсь рутинной работой, надеясь, что мне дадут еще немного собраться с силами, но... Через час мне звонят на рабочую трубку. Код звонившего – сто пятнадцать. Вбираю больше кислорода... Абонент с отдела кадров.

– Слушаю, – отвечаю по стационарному телефону, не смогла выждать больше, уже начальство начало коситься на меня недовольным взглядом.

– Валерия Евгеньевна, приветствую, вы когда собираетесь к нам зайти? – бодрым тоном и слегка ехидно говорит наша кадровичка.

Лет сорока восьми, разведенная, с двумя детьми, с ней было сложно поладить, но палки в колеса она никому не вставляла, так что неприятия я к ней не испытывала. Вот только каждый раз неприятно сжималась при звуках ее голоса. Все же не могу про себя сказать, что я стрессоустойчива, скорее, наоборот. Хотя в моем резюме из положительных качеств

первым делом указано это свойство характера. Везде обман... К горлу подкатывает горький ком, но я спрашиваю, пересиливая себя.

– А что случилось? – севший тембр, все внутри словно наждачкой режет.

Не знаю, зачем интересуюсь и задаю дежурный во всех смыслах вопрос, ведь и так догадываюсь, в чем дело.

– Так секретарь самого Фариды Саидовича звонила, сказала, что ты увольняешься. Или ты что, передумала? – подозрительность так и звучит в ее словах, от чего у меня неприятно сжимаются внутренности. – Вечно вы молодые куда-то торопитесь. Нет, чтобы уцепиться за свое рабочее место. Или думаешь, в другом месте платить больше будут? Знай, у нас самые хорошие зарплаты, да и...

Тетка совсем входит в раж, но у меня нет никаких моральных сил ее выслушивать.

– Я... – начинаю было говорить, но она не слышит, продолжает разглагольствовать:

– Куда намылилась, признавайся, – вдруг проявляет она неуместное любопытство. – Или слухи правдивы, и на тебе генеральный наш женится? Говорят, ты пузатая от него. Ну да, дело-то не хитрое, только ноги раздвигай да...

Ее вопрос в лоб сбивает меня с толку, от чего у меня глаза начинают суетливо бегать по поверхности моего стола. Но затем я привожу свои эмоции и мысли в кучу и выпаливаю прежде, чем она совсем разойдется и перейдет все рамки

приличий.

– Нет, – отвечаю с осторожностью, не желая порождать в компании и без того глупые слухи относительно себя. Не хватало еще, чтобы кадровичка потом растрезвонила всем, что я сама призналась ей во всем. – Подойду через полчаса.

И бросаю трубку, касаясь рукой груди, пытаюсь таким образом унять бешеное сердцебиение. Боже, неужели можно быть такой бесцеремонной женщиной? Поджимаю губы, злюсь на себя за то, что не могла дать ей только что отпор. Стоило сказать, что это не ее собачье дело, но я так растерялась, что ни слова путного подобрать не смогла.

– У тебя все в порядке? Что-то ты неважно выглядишь, – хмурится и глядит на меня со своего места Сергеич, сводя свои седые брови на переносице.

На секунду мне становится стыдно, что он узнает новости о моем увольнении самым последним, но затем я встряхиваю головой. Не могу сейчас тратить силы на объяснения, мне предстоит еще более серьезный разговор с другим мужчиной... Тем, кого мне хотелось бы видеть меньше всего.

– Я отлучусь ненадолго, – оправдываюсь перед шефом и выхожу из кабинета, направляясь в отдел кадров, где меня уже ждут.

Казалось, словно все только и ждали, когда же я уйду. Пишу заявление по собственному под прицелом трех пар глаз, взирающих на меня с неподдельным любопытством и азартом предвкушения новой сплетни.

– Мне нужна неделя на передачу дел, – говорю женщине, которая сидит, подперев подбородок ладонью.

– Сверху поступило указание уволить без отработки, – машет она рукой, словно это ничего не значащее дело.

Я же закипаю, не удивленная таким поворотом.

– Я предупредила начальство, что нужен месяц, но могу сократить до недели, как раз доработаю до конца месяца, – подсчитываю дни, понимая, что нужно выторговать себе хотя бы семь дней, деньги не помешают в моем нынешнем положении.

– Мы – работники подневольные, Миронова, – качает головой и цокает при этом кадровичка, поднимает глаза вверх, намекая на вышестоящие должности. – Так что решай этот вопрос сама. Поступит приказ, отработывай себе на здоровье. Иди давай.

И машет головой в сторону выхода. Я стискиваю кулаки, но выбора нет, так что я, просверлив ее немного обреченным взглядом, выхожу из ее кабинета на ватных ногах. И тут раздается звонок мобильного. Незнакомый номер, но отчего-то я уверена, кто по ту сторону линии. Знал, что ли, как я костерю его на чем свет стоит?

– Зайди ко мне, – короткий мужской приказ через линию, а затем отбой.

Голос знаком мне, и не только мне. Думаю, большая часть женщин в офисе вздыхают вслед этому образчику власти. Стискиваю зубы и иду в сторону лифта, как на эшафот. На-

блюдаю за табло и надеюсь, что кабина в пути задержится, но как назло в этот раз все происходит быстро. С раздражением захожу внутрь и нажимаю нужную кнопку этажа.

— Боже, — выдыхаю и прислоняюсь к стенке кабинки, когда двери закрываются.

Пытаюсь совладать со своими мыслями, но не нахожу подходящих слов, которые смогу сказать Фариду. Пытаюсь разложить все по полочкам и привести все к одному результату, но не выходит. К сентябрю я буду уволена, узнаю пол ребенка, и от этого будет зависеть цель Галаева. Все внутри сжимается от страха, когда я вспоминаю его слова: «Если девочка, сделаешь аборт». Прижимаю руку к животу и не понимаю, что он имеет против девочек?

— Вы выходите? — вдруг раздается чей-то голос спереди.

Я открываю глаза и поднимаю голову, в недоумении глядя на какого-то незнакомца в костюме. Хотя лицо приметное, вроде работает в отделе снабжения.

— А? — спрашиваю, растерянно глядя по сторонам, а затем спохватываюсь и выхожу: — Да-да. Спасибо.

Оглядываюсь и смотрю направо, затем налево, совсем из головы вылетело, в какую сторону идти. Встряхиваю головой, а после иду в нужном направлении, чувствуя, как с каждым шагом мое тело наливается свинцом. Ощущение тяжести на плечах и голове не проходят, только усиливается, когда я подхожу к приемной Галаева. Секретаря на месте нет, так что я иду к двери его кабинета и останавливаюсь перед

ней в нерешительности. Поднимаю руку, чтобы постучать, но она так и повисает в воздухе. Хмурюсь, но не стучу. Открываю внаглую дверь. В конце концов, скоро он не будет моим начальником.

– Почему без стука? – голос у сидящего за столом и корпящего над бумагами Фарида груб и не предвещает ничего хорошего тому, кто испортил ему настроение.

К сожалению, в этот раз это я. Поджимаю губы и прикрываю дверь вполсилы. Хлопок двери заставляет мужчину поднять голову и сощурить глаза, когда он видит меня с воинственным видом взирающую на него.

– Чего ты хотел? – подхожу ближе и складываю на груди руки.

Он откидывается на спинку своего кресла и сверлит меня своим недовольным взглядом. Губы презрительно дергаются, а глаза словно налиты кровью.

– Ты плохо соображаешь, что происходит, не так ли? – вздергивает он бровь и спрашивает меня холодно.

– Давай только без загадок, – вздыхаю устало, нет сил на препирания, итак я вымотана.

– Зачем ты распустила слух, что беременна от меня? – жестко произносит и встает, давя своим внушительным ростом.

И пусть между нами стол, но в этот момент пространство кабинета мне кажется узким и маленьким для нас двоих. Даже дышать становится тяжело, но я не показываю это своим

видом, уж больно хищный у мужчины вид.

– Мне, по-твоему, больше делать нечего? – фыркаю, уязвленная этим его предположением.

Он что, думает, что он – пуп земли, а я – фанатка, так и желающая захомутать его в свои сети? Ну и самомнение.

– Если я узнаю, что ты что-то замышляешь... – угрожающим тоном говорит и огибает стол, подается вперед, нависая надо мной.

Я отклоняюсь, но пятой точкой упираюсь в стол, а дальше отступать некуда. Его дыхание опалает мои щеки, заставляя внутри меня что-то трепетать. Но затем он резко отстраняется, словно ему неприятно находиться в моем обществе. Я же с облегчением вбираю в легкие больше кислорода. Даже не заметила, как при его приближении затаила дыхание.

– Я не рада твоему обществу так же, как и ты моему, – решаю усыпить его бдительность и дать на время понять, что солидарна и согласна с его решением. – Надеюсь, что все решится должным образом, и мы никогда не увидим друг друга больше.

Казалось, что он должен расслабленно выдохнуть, вот только его плечи еще сильнее напрягаются, а глаза темнеют, окидывая меня непонятым взглядом.

– Отрицай, что это мой ребенок, – лишь приказывает мне и отходит подальше, как от чумной. – Сплетни могут дойти до моей невесты, проблемы перед самой свадьбой мне не нужны.

И его слова что-то переключают во мне. Уязвляют до такой степени, что я отхожу от собственной линии поведения, которой решила придерживаться. Ляпаю, не подумав:

– ДНК–тест покажет, что это твой ребенок, все равно этого не скрыть, тем более от жены, – в моем голосе ехидство и уязвленная гордость, но затем я прикусываю губу, коря себя за несдержанность.

– Вскрыть правду придется только в том случае, если это окажется мальчик, – не теряется Фарид и усмехается, дергая щекой. Его глаза сужаются при виде меня, а сам он бычит: – Ты забыла о нашем уговоре?

В уголках моих глаз скапливается влага, а руки начинают дрожать.

– Мы ни о чем с тобой не договаривались. Я буду рада любому... – ломкий голос выдает мою боль, но я совершаю ошибку за ошибкой, не понимая, как каждое произнесенное слово топит меня все больше.

– У меня нет времени выслушивать твой бред. Иди, я занят, – вижу, что мои слова взбесили его. Жилка на шее дергается с бешеной скоростью. Сам он трет переносицу и садится на свое место, машет мне пренебрежительно рукой, уязвляя и обижая еще больше. – И не забудь, никто не должен знать, что ты думаешь, что беременна от меня. Я ясно выражаюсь?

Руки мои трясутся от негодования и слабости. Мелькает неуместная мысль: а ведь со своей драгоценной невестой он

говорит по-другому. Мягче, нежнее...

– Вполне, – цежу сквозь зубы и выхожу из его кабинета, гордо расправив плечи.

– Шпильки делают тебя более сексуальной, носи их, если хочешь моего внимания, – хмыкает он мне вслед.

Я же замираю, чувствуя напряжение в каждой клеточке тела, а затем быстро ухожу, игнорируя его смех. Чертов негодяй!

Глава 6

К концу рабочего дня мои ноги гудят от усталости, несмотря на то, что я была даже не на каблуках весь день. Благо больше не тошнило, так что лишних вопросов со стороны начальства не возникало. Хотя после обеда он смотрел на меня странным взглядом, но ничего не спрашивал. Имел чувство такта, хотя вот скрыть любопытства ему так и не удалось.

– Ты увольняешься? – вдруг задает он мне вопрос, как только я начинаю собираться и уходить домой.

– Скорее, меня увольняют, – скошенный рот на моем лице должен был сказать все, что я думаю об этой ситуации и чувствую в связи с этим.

– Не понял, – хмурится шеф и вскакивает со своего насиженного места.

Обычно он уходил гораздо позже окончания рабочего времени, и сегодня день не был исключением. Но как только начальник услышал от меня последнюю новость, на его лице тут же проступило выражение шока и негодования, и я тут же пожалела о своей несдержанности. Не хватало еще, чтобы он пошел к Фариду и попытался отстаивать меня и мою должность.

– Все в порядке, Георгий Сергеевич, – примирительно поднимая руки, пытаюсь его остановить, он уже надел свой

пиджак, готовый выйти за мной следом.

Зная его характер, не удивлюсь, если потащит в кабинет генерального за собой, причем схватив за шкуру.

– Не в порядке. Скажи, на милость, что произошло? У твоего брата какие-то проблемы в холдинге? Поэтому тебя устраняют? – считает, что зрит в корень проблемы, говорит об этом так уверенно, что на секунду мне и самой кажется, что это правда.

– Н-нет, – все же через некоторое время отвечаю, чуть придя в себя и собрав в кучу мысли. – Богдан тут совершенно ни при чем. И мне бы хотелось, чтобы вы не сообщали ему. Это будет... Проблемой.

– Так он еще и не знает? – вздергивает брови, выказывая удивление, мужчина.

Я же судорожно думаю, как умерить его пыл.

– Георгий Сергеевич, я все равно уволилась бы в сентябре. Возможно, уеду в Германию по программе обмена, так что давайте оставим все, как есть, – произношу мягким тоном, гляжу ему в глаза с таким умоляющим видом, который всегда на брата действовал безотказно. – Прошу вас.

И в этот раз работает. Мужчина отступает, слегка приоткрывает рот и поднимает в капитуляции руки, хотя качать головой при этом не перестает. Я с облегчением выдыхаю и ухожу, все же чувствуя, как он сверлит мне спину взглядом. Неприятное ощущение, но чувствую, что весь оставшийся период до разрыва трудового договора мне придется терпеть

шепотки и все прочите прелести сплетней в пределах офиса. Неспешным шагом иду до автобусной остановки, сажусь в подъехавший транспорт и сама не замечаю, как приезжаю и оказываюсь в коридоре семейной квартиры. Брата еще нет, так что я, даже не раздевшись, ложусь на диван и просто гляжу в потолок. В голове пусто, в ушах звон.

И вдруг в тишине раздается трель дверного звонка. Настороженно поднимаю голову, ведь у брата есть ключи, а гостей я не ждала. С осторожностью подхожу к двери и смотрю в глазок, а там курьер с какими-то пакетами.

– Добрый вечер! Валерия Евгеньевна? – сверяется с документами и спрашивает парень в красной кепке.

– Да, это я, – хмурюсь, не понимая, что мог заказать Богдан. – Брат не предупреждал меня, что сделал доставку...

С недоумением смотрю на протянутые пакеты, беру их в руки и заглядываю внутрь. А там продукты – мясо, молочка, какие-то витамины.

– Я всего лишь курьер, Валерия, распишитесь здесь, пожалуйста, – пожимает равнодушно плечами и подает мне листок бумаги и ручку.

Я растерянно ставлю пакеты на паркет и беру протянутое. А когда отдаю курьеру, и он уходит, закрывая дверь, остаюсь наедине с собой и доставленными продуктами. Несу все это на кухню, раскрываю, а затем ахаю.

– Витамины для беременных?! – в шоке произношу вслух, отскакиваю от стола и бросаю упаковку внутрь пакета обрат-

но.

От неожиданности я теряюсь, пугаюсь, что Богдан обо всем узнал. В голове тысяча мыслей и догадок, откуда к нему могла поступить информация, но тут звонит телефон, прекращая мои бесполезные метания. Знакомый номер, и пусть я его так и не сохранила, но цифры врезались в память, так что гулко сглатываю, стараясь унять бешеное сердцебиение. И только затем поднимаю трубку.

– Слушаю, – говорю как можно холоднее.

Сначала в ответ – тишина, а после тягучий, давящий голос Фарида:

– В пакете рецепт, принимай все, как там написано, ясно? – и голос такой холодный, словно слова произносит робот, а не живой мужчина.

– Тебе не кажется, что в этом нет никакой ло... – возмущаюсь, находя в себе силы, но сразу же слышу гудки, – ...гики.

В шоке смотрю на сброшенный им же звонок, перевожу взгляд на пакеты и кричу от злости, сбрасывая их со стола. Да как он смеет так обращаться со мной и нашим ребенком? Это фальшивое проявление заботы только оставляет меня без сил, полной тлеющей ярости. Но выплеснуть злость не выходит, в этот момент раздается скрежет проворачиваемого в замке ключа. Спешно собираю все сваленное, судорожно пряча витаминки, которые могут подставить меня перед братом.

– Нам нужно серьезно поговорить, – раздается его рассерженный голос как раз в тот момент, когда я сую упаковки таблеток вглубь шкафчика.

А вот после его слов одна пластинка выскальзывает из моей руки и падает на пол, отскакивает, приземляясь аккуратно возле ног подошедшего Богдана. И к моему ужасу его взгляд падает вниз. Время для меня словно замедляется, пока он наклоняется. Задерживаю дыхание... Боже...

– Витамин В, – читает на упаковке Богдан, а затем протягивает ее мне. – С каких пор ты вдруг занялась своим здоровьем?

С облегчением выдыхаю. В этот раз повезло, что на глаза ему попались неприметные таблетки, а не те, где нарисована беременная женщина, которая сразу же сдаст меня. Ведь он не тупой, все поймет. Фух, сплошная удача. Хотя тут же снова напрягаюсь, ведь вспоминаю слова брата о предстоящем серьезном разговоре.

– Давно пора, – пожимаю плечами, отвечая непринужденно, присаживаюсь и наблюдаю за братом с колотящимся сердцем, стук которого отдается гулом в ушах. – О чем ты хотел поговорить?

Прикусываю нижнюю губу и опускаю голову, скрывая тем самым выражение своих глаз. Но все равно выдаю себя и нервно барабаню пальцами по столу. Не будь родственник так загружен чем-то, может, и заметил бы нетипичное для меня поведение тихушницы. А в это время Богдан поче-

му—то тяжело вздыхает, ставит портфель не на стул, как обычно, а на пол. Сам же садится и поправляет галстук, расслабляя узел и расстегивая верхнюю пуговицу рубашки, словно ему тяжело дышать. И все эти несвойственные ему действия заставляют меня не на шутку встревожиться в ожидании его дальнейших слов.

— Мне сказали, что ты уже подала заявление на увольнение, тебе поставили отработку, — говорит он то, от чего мое сердце начинает стучать сильнее.

Это то, что он хочет обсудить?

— Да, — лишь киваю, ожидая продолжения, боясь, что если открою рот, то ляпну что-то не то.

— Я договорился с отделом кадров, так что оформят твое увольнение в следующий понедельник, не придется так долго ждать, — произносит усталым голосом и протирает ладонями лицо.

А вот я на секунду застываю, ведь мне так тяжело далось выбить эту отработку.

— Но... — вскидываю голову и подаюсь вперед, чувствуя, как мой лоб от расстройства хмурится, ведь я принципиально хотела помаячить перед глазами негодяя Галаева до последнего, а тут такой облом.

Сегодня ведь четверг, так что на работу, получается, что приду только завтра и в понедельник. Но сказать ничего не успеваю, брат внезапно открывает прикрытые доселе глаза и смотрит на меня расстроенным взглядом.

– Что происходит? – догадываюсь, что творится нечто неладное, вся подбираюсь, готовая услышать любые новости.

Вряд ли сейчас меня способно расстроить нечто большее, чем незапланированная беременность. Но на всякий случай делаю несколько глубоких вдохов–выдохов, мало ли что.

– У меня могут возникнуть кое–какие проблемы в фирме, и, возможно, нам придется уехать, так что твое увольнение весьма кстати, – брат старается говорить максимально спокойно, но именно это его старание выдает, что все очень плохо.

– Уехать? – чуть сиплю, касаюсь ладонью горла. – Куда? Мысли хаотично скачут, но ответа сама не нахожу.

– Помнишь, тетка Лина приобрела домик в частной деревне под Тверью? Тот, что на ее гражданского мужа оформлен, – дожидается моего кивка после раздумий и продолжает: – я с ней созванивался, они еще полгода в Америке будут, так что мы временно обоснуемся там. На первое время моих накоплений хватит, так что не пропадем.

Ахаю, совсем не ожидая такого поворота. Тетя Лина – родная сестра нашей мамы, вышла в свое время замуж за итальянца, с которым путешествует по странам по его рабочим вопросам, так что не удивлена, что их дом свободен. Сглатываю слюну, прикусываю внутреннюю часть щеки, думая, что сейчас самое время сказать ему о своей беременности, ведь новые обстоятельства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.